Диляра Усманова

Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917-м — начале 1918 г.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-1/2-434-462

Diliara M. Usmanova

Transformation of Islamic Institutions in Revolutionary Russia: The Orenburg Muslim Spiritual Assembly and the Muslim Clergy of the Volga-Ural Region in 1917 — early 1918

Diliara M. Usmanova — Institute of International Relations, Kazan Federal University (Russia). dusmanova2000@mail.ru

This article is devoted to an analysis of institutional changes in religious administration of Muslims of the former Russian Empire during 1917 and early 1918. Its focus is the Muslim clergy and the Tatar population inhabiting European Russia, the Volga-Ural region, and Siberia that were under the jurisdiction of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly. The Muslim congresses (including the first Turco-Tatar national parliament, the Millät Mäjlise), as well as the Tatar-language press, discussed a variety of key social and political issues. Radical social changes, fluctuations in public opinion, the growth of "national egoisms", and the ideological domination of the Marxist "class approach" have all impacted the discussions. The article deals with the nature of these debates, their relationship with the revolutionary changes, and their general outcomes by the time of the beginning of the Civil War.

Keywords: February Revolution, Muslim religious institutions, OMDS (OMSA), Muslim congresses, the National Assembly (*Millät Mäjlise*), Tatar religious press, newspaper "Ittifaq" (Union).

Усманова Д. Трансформация исламских институтов в революционной России: Оренбургское магометанское духовное собрание и мусульманское духовенство Волго-Уральского региона в 1917 — начале 1918 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1-2. С. 434–462.

Usmanova, Diliara (2019) "Transformation of Islamic Institutions in Revolutionary Russia: The Orenburg Muslim Spiritual Assembly and the Muslim Clergy of the Volga-Ural Region in 1917 — early 1918", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 37(1-2): 434–462.

Религиозные структуры позднеимперской России к началу 1917 г. и вопрос об их реформировании

ВОПРОС о необходимости коренного реформирования религиозных институтов, прежде всего духовных правлений, в том числе Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС)[1], а также кардинального повышения статуса мусульманского духовенства неоднократно поднимался в мусульманской прессе, на четырех предреволюционных Всероссийских мусульманских съездах (1905–1907, 1914 гг.)[2], а также в деятельности Мусульманской фракции Государственной думы (1906–1917)[3].

Главные пожелания мусульман в отношении религиозной автономии формулировались следующим образом: ликвидация правовых ограничений в отношении мусульман и приведение законодательства в соответствие с провозглашенным принципом «свободы совести»; наделение мусульман правом выбирать своего религиозного главу (муфтия) в рамках своих религиозных общин и структур; предоставление мусульманским религиозным структурам большей автономии и усиление финансовой основы их функционирования; учреждение центральных религиозных структур (духовных правлений или муфтиятов) в тех регионах страны, где они к началу XX в. отсутствовали (Туркестан, Семиречье, Северный Кавказ и Ставропольский край и пр.); подчинение конфессиональных учебных заведений (*мектебе* и *медресе*) исключительно или преимущественно Оренбургскому магометанскому духовному собранию.

Правительство, на словах признавая многочисленные проблемы и желательность реформ, всячески тормозило их проведение, полагая, что сохранение статус-кво является «меньшим из зол». Отношения правительства и мусульманского общества сильно ухудшилось после назначения (1915), вопреки доминирующему общественному настроению, новым муфтием ОМДС крайне непо-

1. *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1996; *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.
2. *Исхаков С.М.* Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007; *Усманова Д.М.* «Иттифак аль-муслимин» // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 376–378; *Хабутдинов А.Ю.* Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М., 2017.
3. *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в Российском парламенте. Казань, 2005.

пулярного Мухаммед-Сафы Баязитова (1877–1937). Все пожелания и протесты значительных групп российских мусульман остались безответными.

В период Первой мировой войны все религиозные законопроекты и проекты преобразований были «заморожены», точнее, отложены, на период после войны. Тем не менее, несмотря на видимое спокойствие, к февралю 1917 г. мусульманское население было охвачено настроениями тотального раздражения и глубокого недовольства существующим положением вещей. После Февральской революции события развивались стремительно, зачастую вне зависимости от правительственных пожеланий и даже усилий отдельных деятелей.

Февральская революция была встречена обществом с большим воодушевлением и огромными надеждами на будущее. В адрес нового Временного правительства и отдельных, наиболее популярных общественных деятелей, посылались многочисленные приветственные телеграммы, отражавшие атмосферу эйфории. Подобные телеграммы посылались и мусульманами[4]. Львиная их доля приходится на март (не менее 80–85 %) и инициируется различными собраниями, общественными комитетами и благотворительными организациями[5]. Довольно значительная часть телеграмм исходила от духовенства: из более чем двухсот мусульманских телеграмм почти треть была инициирована и подписана имамами. Вероятно, такое доминирование духовных лиц среди инициаторов обращения к Временному правительству, руководству Государственной думы и лидерам мусульманской фракции объясняется тем, что решение послать приветствие нередко принималось после пятничной молитвы в соборной мечети при большом скоплении прихожан. Одна из подобных приветственных телеграмм (посланная из Семипалатинска 11 марта) описывала подобное мероприятие следующими словами:

> Праздник свободы ознаменован громадным стечением народа, торжественным богослужением, присягой всех религий, вечной памятью погибшим борцам за свободу, молением дарования победы, парадом войск (...), торжественной манифестацией всех рабочих,

4. *Усманова Д.М.* Февраль 1917-го в телеграммах от мусульманского населения России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. СПб., 2017. Ч. 2. С. 133–143.

5. «Мусульманские» телеграммы собраны в фонде Государственной думы в следующих делах: РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Дела №№ 1249, 1303, 1324, 1338.

> всех мужских, женских учебных заведений, степных киргиз, сбором пользу семей погибших борцов. Депутация мусульманского духовенства выразила полное подчинение мусульман Временному правительству, готовность к жертвам общему делу, единодушную работу, помощь Родине, образцовый порядок[6].

Вполне логично, что от имени подобных собраний в сельской местности практически всегда такую приветственную телеграмму подписывал местный мулла, в городах же духовные лица, как правило, выступали в тандеме с наиболее авторитетными общественными деятелями. Весьма цветистая и многословная телеграмма, посланная 12 марта от имени мусульман г. Чистополя, гласила:

> Именуемые инородцами, угнетаемые наравне с другими национальностями при старом режиме, ныне волею Божьей свободные, как и все сыны Великой России, мусульмане г. Чистополя приветствуют новое правительство и выражают ему свою полную солидарность в проведении в жизнь основ, намеченных в программе нового кабинета. Да поможет Бог новому правительству в его предстоящей созидательной работе [по] объединению всех национальностей Великой России в одно целое свободное человечество. Будем твердо помнить, что в единении сила. Потому поможем все, как один человек, нашему новому правительству, облеченному доверием народа, закрепить за собой власть и водворить полный порядок в стране на славу великой будущности свободной и сильной единением народа России. (...) Уполномоченные мусульман города Чистополя, член Комитета общественной безопасности Самигулла Салихов, бывший член Государственной думы первого и второго созывов Гариф Бадамшин, мулла первого прихода Назиб Амирханов, мулла второго прихода Шигабутдин Шарафутдинов[7].

Примечательно, что такого рода телеграммы на адрес новой власти посылали не только сторонники перемен. В новых политических реалиях были вынуждены мимикрировать персоны, чувствовавшие себя вполне комфортно при старом строе. Наиболее яркий пример — поведение уже упомянутого муфтия Сафы Баязитова, имевшего репутацию консерватора, ретрограда и прочно

6. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Лл. 47–48.
7. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Л. 52.

ассоциировавшегося с прежней самодержавной властью, пользовавшегося ее всемерной поддержкой, а потому постоянно демонстрировавшего свою лояльность и верноподданность имперским властям. Весть об отречении Николая II застала муфтия в пути по долгу служебной поездки. Еще не понимая характер перемен и не зная, как ему правильно себя повести, муфтий, тем не менее, уже 8 марта посылает на имя председателя Государственной думы свое «почтительнейшее приветствие». А на следующий день руководство ОМДС посылает новое, обстоятельное и еще более верноподданническое послание, на всякий случай на три главных адреса — председателю Исполнительного комитета Государственной думы, председателю Совета министров и членам мусульманской фракции:

> Уфа. Оренбургское магометанское собрание, приветствуя новое правительство, почтительнейше заявляет о своей полной готовности радостно послужить дорогой родине и мусульманскому населению своего округа под руководством нового правительства; вместе с сим Духовное собрание циркулярно оповещает духовенство округа для объявления народу об этому с совершением молебствия за благоверное правительство. Председатель Духовного собрания Баязитов, члены Капкаев, Мамлеев, Урманов»[8].

Впрочем, это поспешное выражение лояльности и преданности новой власти не помогло им удержаться на плаву: уже через неделю наиболее одиозные члены руководства ОМДС в лице муфтия Баязитова и *казыя* Гиниятулла Капкаева (1856–1930) были отстранены от должности и посажены под домашний арест[9].

Два других *казыя* ОМДС — Нурмухаммед Мамлеев и Салихджан Урманов — смогли на время сохранить свои позиции. Однако они были «усилены» двумя более либеральными судьями — Джигангиром Абызгильдиным (1875–1938) и Зия Камали (1873–1942). Помимо этого, была образована комиссия из 16 человек из числа религиозных и светских общественных деятелей во главе с уфимским ахуном Хабибуллой Ахтямовым (1883–1938). Эта комиссия должна была подготовить будущее переформатирование ОМДС в подлинно автономный религиозный орган —

8. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Л. 29.
9. *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 гг.). М., 2004. С. 137.

Духовное управление мусульман. Следовательно, уже в первые мартовские дни 1917 г., помимо персональных перестановок, началась подготовка будущих институциональных перемен. Эти насущные перемены обсуждались в ходе бурных дебатов на Всероссийских мусульманских съездах.

Первый Всероссийский мусульманский съезд (1–11 мая 1917 г., г. Москва)

В таких условиях в начале марта в Петрограде группой мусульманских общественных деятелей, связанных, прежде всего, с мусульманской фракцией Государственной думы, было образовано «Временное центральное бюро российских мусульман» во главе с популярным публицистом Ахмет-беком Цаликовым (1882–1928). Одним из первых шагов Бюро стало опубликование «Воззвания», призывавшего к единству всех мусульман. Учитывая многочисленные пожелания с мест, Бюро приняло решение о созыве в Москве первого Всероссийского мусульманского съезда, который должен был определить настроения мусульманской общественности, выявить позиции по наиболее важным вопросам и проблемам. В конечном счете, общероссийский форум был призван способствовать сплочению «мусульманской нации» России на основе общих интересов и целей.

Первый после Февральской революции общемусульманский съезд состоялся в Москве с 1 по 11 мая 1917 года. В его работе приняло участие около 900 делегатов. Это итоговое количество значительно превышало изначально запланированное число в 500 человек. Среди общего числа депутатов, судя по результатам голосования в «Милли Шуро» и выборам муфтия ОМДС, только мусульман Поволжья и Приуралья было не менее 500 человек. Значительным на съезде было представительство женщин (более 110 делегаток) и мусульманского духовенства (более 300 имамов). Заседания съезда стенографировались на татарском и русском языках. Чуть позднее все материалы были собраны, переведены на татарский язык и опубликованы в виде отдельного издания.[10] Важно, что эти Протоколы, в силу ряда причин, имеют уникальный характер, так как они оказались единственной подробной и точной стенограммой, запечатлевшей работу мусульманско-

10. Бөтен Русия мөселманларның 1917-нче елда 1–11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездның протоколлары. Пг., 1917. [Далее: Протоколы...]

го съезда в течение 1917–1918 гг. В них довольно полно отражены суть и характер дебатов, а также зафиксированы основные решения съезда. Последующие мусульманские съезды и собрания, включая и «Национальное собрание» («*Милләт мәҗлесе*»), не были запротоколированы подобным образом; их работу можно лишь отчасти воссоздать по газетным материалам[11].

Мусульманское духовенство оказалось самой многочисленной из всех профессионально-сословных групп, участвовавших в работе съезда: третья часть делегатов являлись муллами (имамами) или были так или иначе кооптированы в религиозные структуры. Духовные лица (*имамы, имамы-хатыпы и мударисы, ахуны и военные муллы*) сумели организовать одну из наиболее активных и сплоченных групп, сформировавшихся в рамках московского съезда.

Уже в первый же день работы съезда (2 мая) было создано Временное бюро мусульманского духовенства, состоявшее из 12 человек во главе с астраханским имамом Абдрахманом Гумеровым (председатель). Помимо него в Бюро входили следующие имамы: Садык Иманкулов (Казань, заместитель); Гатаулла Габидуллин (Мелекес); Наджип Амирханов (Чистополь); Зуфар Касимов (Верхотурск, секретарь); Хабибулла Ахтямов (Уфа); Наджип Яруллин (Казань); Ахмед-Сафа Рангулов (Семипалатинская); Муслим Суюндуков (Верхнеуральск, секретарь Бюро); Габдулладжан Хакимов (Симбирская); Сабиржан Мустафин (Вятка); Ахмедшах Тимерханов (Астрахань, единственный казах в составе Бюро).

Члены Бюро определили основные задачи своего объединения следующим образом: (1) подготовка и предварительное рассмотрение вопросов, стоявших на повестке съезда; (2) отслеживание вопросов, затрагивающих интересы духовенства; (3) сбор данных обо всех приехавших на съезд муллах и занесение их в одну тетрадь (в частности, сбор такой информации, откуда и кем был избран делегатом, возраст, образование и должность); (4) ведение протоколов заседаний Бюро; (5) составление общего списка всех имамов и др. 8 мая обсуждался вопрос о создании общероссийского «Союза духовенства» (*Шуро-и голяма*). Несмотря на же-

11. Работа всех мусульманских съездов подробно фиксировалась корреспондентами татарских периодических изданий. Для каждого из съездов существуют свои «предпочтительные» газеты: для московского — газета «Ил» («Страна»), для казанских — «Юлдуз» («Звезда») и «Кояш» («Солнце»), для уфимского собрания — «Тормыш» («Жизнь»). Но ни один, даже подробный газетный обзор не является в полной мере стенограммой заседаний.

лание представить эту организацию как Всероссийскую, в ней было представлено преимущественно мусульманское духовенство из Волго-Уральского региона. Руководство Союза располагалось в Казани, где и была сосредоточена политическая активность мусульманского духовенства.

Одной из наиболее «шумных» акций имамов стал протест по «женскому вопросу» (10 мая). Инициаторы протеста настаивали на включение в протоколы съезда резолюции о своем категорическом несогласии с решением мусульманского съезда, который «провозгласил равенство женщин в общественных и политических правах, а также настаивал на ликвидации многоженства, практика которого входит [по мнению делегатов съезда] в конфликт с принципом справедливости»[12]. Эти два принципа — уравнение женщин-мусульманок в правах с мужчинами и пожелание отмены практики многоженства — были встречены большой группой духовных лиц[13] как покушение на основы ислама и нарушение шариата, что было категорически невозможно. В протесте также было заявлено о полном моральном праве имамов покинуть съезд. Однако «проявляя добрую волю и не желая нанести репутации съезда урон», имамы решили лишь ограничиться выражением особой позиции и своего несогласия с общей резолюцией съезда по женскому вопросу. Примечательно, что к данному протесту духовных лиц по «женскому вопросу» вскоре присоединилась группа делегатов, избранных от Туркестана. Более того, они выразили свое возмущение тем, что женщины вообще посмели занять в зале места впереди, тогда как их следует, согласно законам шариата, пересадить на самые задние ряды[14]. Демарш имамов вызвал протесты и недовольство остальных делегатов, а потому обсуждение этого вопроса растянулось на два бурных заседания 10 и 11 мая.

Возмущение ряда мулл также вызвал доклад председателя комиссии по делам просвещения и культуры Гумера Терегулова (прочитан на 4-м заседании 4 мая)[15], в котором они усмотрели

12. Протоколы… (резолюция съезда по женскому вопросу: с. 354–357; протест имамов: с. 373).

13. Свои подписи под протестом оставили 205 человек, из которых подавляющее большинство составляли именно духовные лица. Однако среди них была довольно многочисленная группа светских персон, численностью около 45–50 человек. См.: Протоколы… С. 373–379.

14. Протоколы… С. 381.

15. См.: Протоколы… С. 124–133.

выпады против ислама и непочтительные высказывания в адрес священного Корана. Почин этой критике был положен Мусой Бигиевым, который увидел крамолу в тезисе докладчика об «отсутствии у ислама своего языка». Но начавшиеся беспорядки в зале прервали его выступление. Тем не менее, это было только началом протестов против докладчика.

Следует сказать, что доклад, посвященный вопросам образования и просвещения мусульманского населения, изначально был написан по-русски[16]. Однако видя доминирующие настроения делегатов и учитывая общий ход дебатов, Г. Терегулов сначала зачитал татарскую версию доклада. Когда же он решил озвучить русский вариант, большинство участников съезда стали шуметь и протестовать, проголосовав против чтения русской версии. В итоге только волевым решением президиума была озвучена и русская версия. Очевидно, что недовольство многих религиозных деятелей вызвали призывы оратора объединяться не столько на религиозной, сколько на культурной и национальной почве[17].

Заявление от имени имамов было поручено зачитать казанцу, имаму-хатыпу Юнусовской мечети Габдулле Апанаеву (1862–1919), но президиум отказался предоставить ему слово, сославшись на то, что доклад был написан по поручению президиума на русском языке и не содержал таких антиисламских высказываний. В целом, члены президиума постарались максимально сгладить этот нарастающий конфликт, быстро свернув на обсуждение иных вопросов.

Две эти конфликтные ситуации, в которых оказались задействованы многие духовные лица и по которым они заняли определенную позицию, весьма показательны. С одной стороны, дебаты по «женскому вопросу» отражали неготовность значительной части мусульманской уммы к радикальным переменам в распределении и исполнении общепринятых социальных ролей. «Женский вопрос» и на последующих съездах и собраниях оставался наиболее «больным» вопросом, вызывавшим самые острые споры и болезненную реакцию. Именно в этом вопросе большинство представителей мусульманского духовенства демонстрировали свой консерватизм, зачастую противопоставляя себя доминирующему политическому тренду, однако черпая поддержку среди традиционно настроенной части общества.

16. Протоколы... С. 133–134.

17. Протоколы... С. 135.

Столкновение вокруг доклада Г. Терегулова отражало другие тенденции, тоже весьма важные для мусульманского сообщества в начале XX столетия: постепенное движение политически активной части общества от идеи общемусульманской солидарности к единству на национальной основе. События 1917 г. сыграли чрезвычайно важную роль катализатора данного явления, ускорив процесс оформления национальных движений (что выразилось прежде всего в борьбе за национальную автономию). И в этом новом тренде духовные лица не столько реально осознавали опасность, сколько, вероятно, инстинктивно ощущали угрозу своему традиционному статусу «духовных лидеров [мусульманской] нации».

Также на съезде с докладом «О религиозной и культурной автономии российских мусульман» выступил бывший депутат Государственной думы 1-го созыва, казанский адвокат Саид-Гирей Алкин (1867–1919)[18]. Обосновав принципиальные положения культурно-национальной автономии и остановившись подробнее на религиозном аспекте, С.-Г. Алкин отверг тезис о необходимости отделения религии от государства. Он считал это неприемлемым для мусульман по двум основным причинам: во-первых, ислам не просто религия, а скорее образ жизни, и отделить ее от традиций и жизненных основ народа невозможно. Во-вторых, мусульманское духовенство в экономическом плане и так независимо от государства, ибо содержится не на средства из государственной казны, а исключительно на пожертвования мусульманской общины. По мнению докладчика, впредь необходимо лишь юридически закрепить эту независимость, оградив мусульман от вмешательства государства в их религиозные дела. Вообще же, по мнению С.-Г. Алкина, при утверждении принципов федерализма в областях со значительным мусульманским населением (более 20%) вся общественная и религиозная жизнь должна основываться на принципах культурно-национальной и религиозной автономии, для чего повсеместно должны создаваться национальные советы (*Милли Шуро*). Именно их деятельность будет определять общественно-культурную и национальную религиозную жизнь мусульманского сообщества. Деятельность же реформированного автономного Духовного управления должна базироваться на иных, в отличие от старого ОМДС, началах и принципах:

18. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань, 2006. С. 290–299.

подотчетность населению, выборность, самофинансирование, усиление новыми кадрами и пр.[19]

Среди важнейших решений московского съезда было преобразование ОМДС в автономное Духовное управление мусульман внутренней России и Сибири, а также избрание нового муфтия и казыев ДУМ. Выборы муфтия оказались довольно напряженными. Из первоначальных шести кандидатов — это были Галимджан Баруди, Габдулла Буби, Зия Камали, Садри Максуди, Муса Бигиев и Хасан-Гата Габаши — на голосование было поставлено пятеро кандидатов (Зия Камали взял самоотвод). В итоге с незначительным перевесом голосов (292 против 257 голосов) муфтием был избран Галимджан Баруди (1857–1921), ставший первым среди волго-уральских татар выборным муфтием. В последовавших затем выборах судей (казыев), которые проходили на конкурентной основе[20], в состав муфтиата была избрана первая в мусульманской истории женщина-казый Мухлиса Буби (1869–1937).

Таким образом, московский съезд стал первым в послереволюционной России форумом, который объединял большинство мусульманских народов бывшей империи (но при лидирующей роли волго-уральских и кавказских мусульман). Его работа была подчинена актуальным вопросам, порожденным революционным временем. Среди них «религиозный вопрос» занимал важное место, но отнюдь не доминирующее, судя по общим дебатам. Мусульманское духовенство, очевидно, хотело бы и даже стремилось играть лидирующую роль в ожидаемых изменениях национальной жизни, однако это стремление с очевидностью входило в противоречие с духом времени и настроениями национальной элиты.

В то же время именно на московском съезде началась трансформация исламских религиозных структур. Реформированное и персонально обновленное Духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири (ДУМ) должно было быть вписано в систему широкой культурно-национальной автономии, которая, по мнению татар, будет неизбежно утверждена в будущей федеративной России. Дальнейшему обсуждению этой же проблемы — реформированию религиозных структур — был посвя-

19. Протоколы… С. 160–166.

20. Из 31 кандидата были выбраны шестеро судей (*казыев*), с тем, что еще четырех судей позднее изберут казанские имамы на собственном съезде. См.: Протоколы… С. 431–433, 450.

щен состоявшийся летом 1917 г. в Казани Съезд мусульманского духовенства.

Казанские мусульманские съезды (лето 1917 г.) и провозглашение религиозной автономии в рамках «Культурно-национальной автономии тюрко-татар мусульман Внутренней России и Сибири»

Последнее заседание Бюро мусульманского духовенства (12 мая) постановило созвать съезд мусульманского духовенства в Казани (не позднее 15 июля), а также избрало Временный комитет для подготовки этого съезда и разработки его программы. В основном эта задача была осуществлена членами Казанского мусульманского религиозного общества во главе с имамом Садыком Иманкуловым (1870–1932).

Очевидно, что имамы традиционно, как наиболее образованная и активная часть мусульманской *уммы,* воспринимались в обществе как «духовные лидеры» («*юлбашчылар*»). Одной из обязанностей духовных лиц была проповедь (*хутба*) в поддержку властей. Поэтому вскоре после свершившегося переворота мусульманские духовные лица посчитали своим долгом обратиться к своей пастве с призывом соблюдать порядок и всемерно поддерживать новую власть.

Такого рода воззвание было издано весной — в начале лета 1917 г. от имени имамов и мударрисов г. Казани и распространено среди казанских татар. Его лейтмотив заключался во всемерной поддержке новой власти и самоорганизации:

> Уважаемые братья мусульмане! В эти дни в России произошли значительные изменения. Старое правительство, которое много веков угнетало нас, пало. Вместо него избраны народные представители и установилось новое временное правительство, которое является дружественным народу. Это новое правительство, желающее народу только лучшее, дало нам много свобод. Поэтому эти изменения вызвали у народа большую радость. Для нас, российских мусульман, это особенно радостно, так как мы, мусульмане, в течение четырех столетий находились в тисках и сильном ограничении со стороны старого правительства. Самые дорогие для нас религия и язык ограничивались и ущемлялись. Нам не разрешалось преподавать веру и язык во многих местах, [начальные] школы и медресе закрывались из-за любых пустяков, учителя же арестовывались и привле-

> кались к суду. Новое же правительство дало нам свободу, равенство и братство, поэтому в отношении нас мусульман прекратились бывшие ущемления и угнетения. Мы должны благодарить Аллаха за это и должны ценить [эти перемены]. Поэтому мы должны помогать правительству в его укреплении и в установлении [в стране] спокойствия. (...) Братья мусульмане! Возможно, в народе есть такие люди, которые не рады этим свободам и равноправию, возможно они будут вас по-разному провоцировать. Но не прислушивайтесь таким [провокативным] словам! Не нарушайте спокойствия! Не покушайтесь на чужие права! Знайте: покушение на личность и имущество других людей, подобно другим злодеяниям, является *харамом* [т.е. запретным по шариату] (...)»[21].

Обращение заканчивалось призывом к объединению, проведению съездов и собраний для обсуждения своего будущего и выработки стратегии на будущих выборах в Учредительное собрание. Эти же вопросы — подготовка к выборам в Учредительное собрание и будущее национальной автономии — были ключевыми в работе летних мусульманских съездов, проходивших в Казани.

Летом 1917 г. в Казани практически одновременно состоялось несколько мусульманских съездов: с 21 июля по 2 августа 1917 г. проходил 2-й Всероссийский мусульманский съезд; 18–25 июля 1917 г. заседали делегаты Съезда мусульманского духовенства (более 250 делегатов) и, наконец, 17–26 июля 1917 г. работал Съезд воинов-мусульман (около 200 делегатов). 22 июля 1917 г. состоялось объединенное заседание этих трех мусульманских съездов, на котором была торжественно провозглашена “культурно-национальная автономия мусульман внутренней России и Сибири”[22]. Это заседание было названо историческим, а день объявлен праздничным. Выступившие по этому вопросу четыре докладчика представляли основные группы татарского населения — верхушку национального движения (Садри Максуди), светскую интеллигенцию (Гумер Терегулов), мусульманское духовенство (Хасан-Гата Габаши) и представителей учительского сословия (Габдулла Шинаси). Из активных в 1917 г. групп здесь не были представле-

21. Казан имам вә мөдәрисләрендән бөтен Русия мөселманларына Хитапнамә // Национальный музей РТ.

22. Милли мохтарият. Эчке Русия мөселманлары өчен милли вә мәдәни мохтарият эсаслары (22 июль, 1917 ел). Казан, 1917. 19 б.

ны, пожалуй, только женщины и мусульманские военные, хотя их представители участвовали в работе объединенного заседания.

Рассмотрим более подробно Съезд мусульманского духовенства. По составу там преобладали представители духовенства из Волго-Уральского региона: из более чем 250 делегатов только около 15–20 делегатов приехали из Крыма (8), Туркестана (3) или Семиречья (5). Подавляющее большинство представляли населенные пункты Казанской, Уфимской, Оренбургской и пр. губерний Волго-Уральского региона. Участники съезда мусульманского духовенства сконцентрировали свое внимание на двух основных пунктах: о религиозных учреждениях и о правах женщин. И вновь, как и на московском съезде, наиболее острую дискуссию вызвал женский вопрос, поскольку традиционалистская часть духовенства объединила свои позиции против принципа равноправия в отношении мусульманских женщин.

В ходе переговоров с представителями женских организаций усилиями муфтия Галимджана Баруди удалось достичь некоторого компромисса и снизить градус напряжения в этом вопросе. В итоге, 30 июля, уже после завершения работы съезда, казыи Салихджан Урманов, Кашафутдин Тарджеманов, Хаджат Махмудов, Гумер Караши и Мухлиса Буби санкционировали фетву о разрешении мусульманкам участвовать в выборах (в Учредительное собрание). Именно на этом настаивали многие светские национальные деятели, которые опасались, что фанатизм мулл не пустит мусульманок на избирательные участки, следовательно, мусульманское население окажется в проигрыше во время выборов в Учредительное собрание.

Что касается статуса религиозных учреждений, казанский Съезд мусульманского духовенства подтвердил включение реформированного Духовного управления в состав культурно-национальной автономии, но реализация этих планов была возложена на Национальный парламент или «*Милләт мәҗлесе*»[23].

Однако осенью 1917 года в эти планы вмешался ряд непредвиденных обстоятельств. Речь идет не только о расколе в общемусульманском движении, но и о фактическом расколе в «едином тюрко-татарском» мире. Это было связано с активизацией башкирского национального движения, которое проявило себя как самостоятельная сила не только в вопросе о предпочтительной форме автономии и о возможностях солидарных действий

23. Там же.

(они требовали собственную автономию), но и в попытках создать собственную башкирскую религиозную структуру — башкирский муфтиат[24].

Национальное собрание (*Милләт мәҗлесе*) и судьба религиозной автономии

Национальное собрание («*Милләт мәҗлесе*») замышлялось и созывалось для решения вопросов, связанных с реализацией культурно-национальной автономии. Но история уготовила этому форуму другую судьбу: именно на нем была провозглашена территориальная автономия тюрко-татар в виде Урало-Волжского штата («Идел-Урал Штаты», штат «Идел-Урал»), то есть был положен краеугольный камень в фундамент национальной государственности, основанной на территориальном принципе. Тогда же еще более явственно обозначился раскол между татарами и башкирами, лидер и полномочный представитель которых — Заки Валиди, будучи избранным делегатом Национального собрания, покинул его уже на второй-третий день работы.

«Милләт мәҗлесе» или Национальное собрание тюрко-татар внутренней России и Сибири проработало всего 52 дня, с 22 ноября по 11 января 1918 г.[25] Хотя выборы делегатов прошли в октябре — начале ноября 1917 г., т.е. уже после Октябрьского переворота, политические перемены не слишком отразились на его составе. Всего было избрано около 115–120 делегатов по принципу — 1 делегат от 50 тысяч человек (на фронте — один от 25 тысяч). Количество делегатов, работавших регулярно и находившихся в Уфе постоянно, составляло приблизительно 80–85 человек.

24. Подробнее об этом см.: *Юнусова А.Б.* Автономия башкирского ислама: к 100-летию Духовного управления мусульман Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. 2017. № 4. С. 105–116.

25. *Усманова Д. М.* Милләт Мәҗлесе тарихы (чыганакларда) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1996. № 1. С. 61–72; Devlet, N. (1998) *1917 ekim ihtilal ve türk-tatar Millet Meclisi. Ic Rusya ve Sibirya müselman türk-tatalirinin Millet Meclisi 1917–1919*. Istanbul. История «Национального собрания» имеет ограниченную источниковую базу, поскольку его работа пришлась на переломную зиму 1917–1918 гг. Многие документы, в том числе и готовившиеся к печати протоколы, были уничтожены вместе с ликвидацией национального движения. Помимо упомянутой уфимской газеты «Тормыш», работа национального парламента также освещена в воспоминаниях некоторых его участников, оказавшихся в эмиграции: Гаяза Исхаки и Абдул-Бари Баттала.

Выборы проходили, как правило, в два этапа, на собраниях общественных организаций, на областных съездах и т. д., т. е. в них участвовало далеко не все мусульманское население, а потому состав Собрания не был полностью репрезентативным. Он не отражал, да и не мог адекватно отражать социальную структуру тюрко-татарского населения «внутренней России». В Собрание были избраны преимущественно «муллы, учителя, редакторы, газетчики, офицеры запаса, военные, студенты, один-два адвоката и две-три женщины» (Абдул-Бари Баттал)[26], т.е. представители тех слоев населения, которые были наиболее активны в национальном движении. Примечательно, что доля духовных лиц была около 30 человек, т. е. вновь около трети от общего числа делегатов.

В то же время крестьянство было представлено в несоразмерном меньшинстве. Это объяснялось не только характером выборов делегатов, но и спецификой самого Собрания. В татарском общественном сознании было широко распространено мнение, что «*Милләт мәҗлесе*» является внепартийным, общенациональным органом, которому предстояло решать сугубо внутренние, национальные, а не политико-партийные или же классовые, проблемы тюрко-татарского народа. Именно этим обстоятельством во многом определялся социальный и персональный состав участников Собрания.

Вся подготовительная работа по созыву Собрания была проделана временной комиссией, возглавляемой Садри Максуди. Он же в первые дни работы собрания был избран председателем «*Милләт мәҗлесе*», заместителями стали Ибниямин Ахтямов и Ильяс Алкин. По замыслу организаторов, *Национальное собрание* («*Милләт мәҗлесе*») должно было стать еще одним шагом на пути законодательного утверждения и реализации среди мусульман Волго-Уральского региона идей «культурно-национальной автономии». Но еще до начала работы Собрания стало ясно, что прежние споры о будущем национально-государственном устройстве страны и судьбе татарского народа сохраняют свою актуальность: свидетельством этого стало образование двух основных фракций —*тюркистов* (*төркичеләр*) и *территориалистов* (*тупракчылар*). Водораздел между этими двумя группами заключался в приоритете той или иной формы автономии: тюркисты настаивали на реализации преимущественно культурно-национальной, т. е. экстерриториальной, автономии, тогда так

26. Battal-Taymas, A. (1947) *Rus ihtilalindan hatiralar. 1917–1919*. Istanbul.

территориалисты были сторонниками территориальной автономии, а также федеративного устройства страны[27].

В численном отношении обе ведущие фракции были приблизительно равны: в них записалось по 40–45 человек. По мнению Г.-Б. Баттала, большинство делегатов из числа т.н. прогрессивных мулл входили во фракцию тюркистов, во главе которой стояли Ибниямин Ахтямов и Гаяз Исхаки[28]. Несомненно, что одним из идеологов фракции тюркистов являлся Садри Максуди, который после избрания председателем Собрания заявил о своем нейтралитете и подал официальное заявление о выходе из фракции. Фракция территориалистов, куда входила преимущественно молодежь из числа военных, студентов, молодых литераторов и светских учителей, была создана по инициативе Ильяса Алкина и Галимджана Ибрагимова[29].

Была также предпринята попытка образовать отдельную фракцию исламских прогрессистов (*Иттиһад ислам фиркәсе*). Ее предпринял казанский военный ахун Гатаулла Багаутдинов. В программе были такие пункты, как сплочение мусульман под знаменами ислама для борьбы против христианских капиталистов и освобождение всего мусульманского мира[30]. Однако в силу незначительного числа сторонников идея не была реализована. В конце концов немногочисленные сторонники этой фракции объединились с тюркистами[31].

То, что большинство духовных лиц вошло во фракцию тюркистов (даже, возможно, не будучи сторонником унитарного устройства страны) вполне объяснимо, поскольку реформированные религиозные структуры (ОМДС, преобразованный в ДУМ) были

27. Кояш. 1917. 5 декабря (№ 1188).

28. В 1933 и 1938 гг., соответственно к 15-летию и 20-летию начала работы «Национального собрания», в издаваемом им в Берлине журнале «Яңа милли юл» («Национальный путь») Гаяз Исхаки опубликовал серию статей о работе национального парламента. См.: Исхаки Гаяз, Беренче Милләтмәҗлесеҗыелуга 15 ел тулу уңаеберлә // Яңа милли юл. 1933, №№ 1, 3–4; Исхаки Гаяз, Беренче Милләт мәҗлесенең 20 еллыгы // Яңа милли юл. 1938, № 1. По сути эти воспоминания были последними публикациями о работе национального парламента вплоть до начала 1990-х гг.

29. Devlet, N. 1917 ekim ihtilalı ve türk-tatar Millet Meclisi. Ic Rusya ve Sibirya müselman türk-tatalirinin Millet Meclisi 1917–1919.

30. Тормыш. 1917. 23 ноября (№ 758).

31. Также предполагалось создание отдельной «башкирской фракции», но немногочисленные делегаты Собрания из числа башкир или игнорировали его работу (Заки Валиди), или же предпочли не создавать отдельной фракции.

гораздо шире, чем какая-либо из возможных национальных автономий. Национальная автономия подразумевала бы и «национальные» муфтиаты, сфера действия которых распространялась бы на определенную ограниченную территорию или отдельную нацию. На такой радикализм имамы, да и многие светские национальные деятели, были не готовы.

Обсуждение «*Основ культурно-национальной автономии тюрко-татар внутренней России и Сибири*» началось 16 декабря и растянулось на несколько дней бурных дебатов[32]. Поскольку этот документ, особенно первую его часть («Общий раздел»), предполагалось представить на рассмотрение и утверждение Учредительного собрания России, он был составлен на двух языках: русском и татарском.

Дискуссия показала, что среди делегатов нет единства. Многие вообще не понимали, как можно совместить культурно-национальную и территориальную автономии. По мнению адептов последней, только она способна решить все национальные проблемы. Более того, они полагали, что территориальная автономия снимает необходимость провозглашенной ранее культурно-национальной автономии. В конце концов было принято компромиссное решение: продолжить реализацию основ культурно-национальной и религиозной автономии, но и работать над идеей территориальной автономии в виде проекта «Волго-Уральских штатов» («*Идел-Урал штаты*»).

В ходе обсуждения проекта территориальной автономии также было заявлено, но народы, входящие в этот будущий «штат», сами вправе решать, стоит ли им совмещать национальные и религиозные структуры[33]. Но для себя — тюрко-татар мусульман — участники собрания явно предполагали такое совмещение, о чем свидетельствует структура будущего «национального правительства». На одном из последних заседаний «*Милләт мәҗлесе*» в январе 1918 г. вновь были переизбраны центральные органы: председателем Национального управления (*Милли идарә*) стал Садри Максуди, его заместителем — Ибниямин Ахтямов. Одновременно были избраны члены трех министерств: *просвещения* (Назиб Курбангалеев), *финансов* (Шайхулла Алкин) и *религиозного*

32. Текст этих «Основ» см.: Канун игъланы. Эчке Русия вә Сөбер мөселман төрек-татарларның Милли мөхтариятенең эсаслары. Уфа, 1918. 32 б. Ход дебатов вокруг «Основ» см.: Тормыш. 1917. 19 декабря (№ 768) — 27 декабря (№ 774); 1918. 10 января (№ 782).

33. Тормыш. 1918. 9 января (№ 781).

(муфтий Галимджан Баруди). Следовательно, Духовное управление мусульман было приравнено к религиозному министерству (*Диния нәзәрате*) в составе и национального (территориального), и внетерриториального правительства. Таким образом, большинство духовных лиц являлось сторонниками культурно-национальной (*внетерриториальной* или *персоналистской*) автономии, связывая будущее своих структур именно с этой формой национального самоопределения. Устав «религиозного министерства» (*Диния нәзәрате*) был утвержден на одном из последних заседаний Национального собрания 8–9 января 1918 г.[34]

Развитие дальнейших событий привело к тому, что национальные структуры просуществовали недолго. Уже весной этого же года они были ликвидированы большевиками: 26 марта 1918 г. вместе с «Забулачной республикой»[35] был распущен *Харби шуро* (Военный совет), 15 апреля — московское отделение *Милли шуро* (Национальный совет), 21 апреля — ликвидировано Национальное управление мусульман внутренней России и Сибири. Все финансы были конфискованы, некоторые из активных деятелей подверглись аресту и репрессиям, другие (Садри Максуди, Гаяз Исхаки и пр.) — оказались в вынужденной эмиграции[36].

Газета «Иттифак» — «голос» казанских духовных лиц (*улемов*) в революционной России

Национальная татароязычная пресса в дореволюционный период выступала важнейшим каналом национальной коммуникации, средством объединения распыленных по стране татарских общин, широкой площадкой, на которой происходило обсуждение

34. Тормыш. 1918. 18 января (№ 787), 19 января (№ 788).

35. Под термином «Забулачная республика» (иногда «Забулачка») подразумевается короткий период в конце февраля — марте 1918 г., когда происходило противостояние между большевистскими и национальными организациями г. Казани. Большевики (в подавляющей массе русские) выступили против попыток реализовать решения «Национального собрания» о создании Урало-Волжского штата (Штат «Идел-Урал»). Противостояние закончилось победой большевиков и поражением данного крыла национального движения. Ряд лидеров национальных военных организаций (Ильяс Алкин, Усман Токумбетов и др.) были арестованы, органы национального самоуправления запрещены, а национальные воинские формирования расформированы. Подробнее см.: «Забулачная республика» // Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999. С. 194.

36. Подробнее см.: История татар с древнейших времен в семи томах. Том VII. Татары и Татарстан в XX — начале XXI в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 224–248.

важнейших национальных проблем. До Февральской революции 1917 г. в России выходило не менее семидесяти периодических изданий на татарском языке. Из них около десятка наименований можно было бы отнести к религиозным изданиям: прежде всего, газеты «Нур» («Свет»), «Йолдыз» («Звезда»), «Өлфәт» («Дружба»), журналы «Мәгълүмат» («Сведения»), «Дин вә әдәп» («Религия и нравственность»), и «Дин вә мәгыйшат» («Религия и жизнь»)[37]. Значительная их часть выпускалась духовными лицами, однако имела более широкое общественно-политическое направление.

Далеко не все религиозные издания «дожили» до Февральской революции, а из продолжавших выходить в течение 1917 года изданий многие находились в тяжелом положении, так как революционная эпоха порождала потребность в иного рода информации. Некоторые религиозные издания были вынуждены прекратить выпуск в силу объективных обстоятельств: издаваемый казанским имамом Галимджаном Баруди журнал «Дин вә әдәп», в связи с избранием издателя-редактора на должность муфтия и переездом в Уфу, перестал выходить уже в декабре 1917 г.[38]

Дольше всех продержался консервативнй журнал «Дин вә мәгыйшәт» (1906–1918), издававшийся в Оренбурге на средства наследников купца А. Хусаинова.[39] Журнал считался оплотом татарских консервативных сил и имел репутацию одиозного издания, выступавшего против реформаторов и джадидистов[40]. В то же время из консервативных религиозных изданий он был,

37. *Усманов М.А.* Судьба татарской периодической печати в XX столетии // Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. Татарская периодическая печать начала XX века. Библиографический указатель. Казань, 2000. С. 10–33; *Усманова Д.М.* Мусульманская пресса Волго-Уральского региона в первой трети XX столетия // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. / Сост. и ред. Р.М. Мухаметшин. Казань, 2004. С. 138–148; Usmanova, D. (2010) "Tatar Periodicals (1905–1918)", in *Tatar History and Civilization*, pp. 637–644. Istanbul: IRCICA, 2010; Usmanova, D. (2013) "Die islamische Presse der Wolga-Ural-Region im 20. Jahrhundert: Probleme der islamischen Bildung", in R. Motika, M. Kemper, A. von Kügelgen (eds) *Repression, Anpassung, Neuorientierung. Studien zum Islam in der Sowjetunion und dem postsowjetischen Raum*, s. 215–251. Wiesbaden.

38. Заһидуллин А. "Әд-дин вә әл-Әдәб" журналның библиографик күрсәткече. Казан, 2003.

39. *Мухаметшин Р.Г.* Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. Казань, 2005. 164 с.

40. *Мөхәммәтшин Р.* "Дин вә мәгыйшат" журналның библиографиясе (1906–1918). Казань, 2002.

пожалуй, самым популярным. На протяжении 1917 года (журнал был закрыт в феврале 1918 г.) редколлегия старалась придерживаться прежней стратегической линии, не слишком сильно меняясь под влиянием революционного времени, порой даже отстраняясь от актуальных событий и проблем.

Но из всех религиозных изданий — как старых, так и новых, появившихся именно в революционную эпоху — наиболее интересной и важной для анализа внутреннего самоощущения мусульманского духовенства в переломную эпоху является издававшаяся в Казани газета «Иттифак» («Союз», 31.01.1918–7.06.1918).

Важно, что в 1917 г. появилось огромное количество новых периодических изданий, однако среди них почти не было религиозных. Возможно, это связано с тем, что в первые послереволюционные месяцы политизация всей жизни Российского общества привела к естественному спаду общественного интереса к религиозным проблемам, чем был продиктован временный отток интеллектуальных и финансовых сил от религиозных структур. Кроме того, наблюдалась перестройка и определенная дезорганизация религиозных учреждений, усиление в их деятельности политических вопросов.

Содержание газеты «Иттифак» отражало эти тенденции. «Уникальность» этой газеты отнюдь не в ее особом характере или исключительно богатом содержании. Ее отличительной чертой явилась эпоха: газета стала прямым следствием перемен, переживаемых российским обществом после Февральской революции. Скорый же конец этого периодического издания также был предрешен победой второй революции, ставшей порождением и одновременно антиподом первой.

Официально «Иттифак» являлась органом «Всероссийского союза мусульманского духовенства» («Всероссийский союз улемов», в оригинале, на татарском языке — «*Бөтен Русия голәмаиттифагы*»), образованного еще на 1-м Всероссийском мусульманском съезде (май 1917 г., Москва) и затем обновленного на Съезде мусульманского духовенства (лето 1917 г., Казань). Тогда же были обсуждены программа и цели будущей газеты, а членам вновь избранного Центрального бюро была поручена вся организационно-подготовительная работа. Но эта инициатива была осуществлена лишь через полгода[41].

41. Иттифак. 31 января 1918, № 1.

За неполных четыре месяца (две недели были «съедены» за счет перехода на новый стиль) всего увидело свет 14 номеров этой еженедельной газеты. Единственный трехнедельный перерыв был вызван политическими обстоятельствами — событиями, связанными с ликвидацией «Забулачной республики» (см. выше, прим. 35). Официальным редактором была заявлена «редколлегия», по сути, представленная двумя основными авторами: муллой Ново-Татарской слободы Садыком Иманкуловым (1870–1932)[42] и имамом мечети в Адмиралтейской слободе Исмагилом Габитовым (1891–?). Подавляющее большинство статей, как передовиц, так и обзорно-аналитических, принадлежит перу этих двух авторов.

По содержанию газета «Иттифак» была достаточно традиционна, т.е. она являлась логическим продолжением тех традиций (языковых, стилистических, содержательно-тематических и т. п.), которые сформировались и господствовали в дореволюционной татарской периодике. В то же время происходившие в стране перемены и политические события оказали на ее облик и содержание значительное влияние. Прежде всего, поражает небывалый уровень политизированности религиозного издания: статьи на различные политические темы занимают едва ли не добрую половину печатных площадей.

Вероятно, такова была принципиальная позиция людей, стоявших во главе данного издания, упомянутых ранее казанских мулл С. Иманкулова и И. Габитова. В ряде статей неоднократно развивался и весьма аргументированно защищался тезис о прямой обязанности мулл (особенно сельских) быть в центре происходящих политических событий и осуществлять, таким образом, исторически возложенную на них миссию быть лидерами нации, ее руководителями. Более того, авторы публикаций выступали против наметившейся тенденции к снижению роли духовенства как весомой политической силы среди российских мусульман. Подобная активная политическая позиция проявилась в том, что газета по-

42. Мухамммед-Садык Шагиахмедович Иманкулов (10.09.1870, Казань — май 1932, Пермская обл.) — имам 6-й мечети г. Казани (1894–1932), мухтасиб, религиозный мыслитель, автор ряда религиозно-догматических и литературных произведений. Арестован 27 июня 1931 г., обвинен в антисоветской агитации, как участник «кулацко-мульской группировки». Судебной коллегией ОГПУ ТАССР 26 марта 1932 г. приговорен (в рамках процесса т.н. группы «Янга китап») к 5 годам концлагерей (Белобалтлаг). Умер в мае 1932 г. в тюрьме в Пермской обл. См.: *Ахунов А.* Мухаммад-Садык Иманкулый // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2001. № ¾. С. 149–153; БД «Жертвы политических репрессий».

дробно обсуждала на своих страницах политические и общественные вопросам, причем через призму национальных проблем.

Тем не менее, являясь сугубо религиозным изданием, газета, безусловно, уделяла большое внимание религиозным вопросам. Согласно публикациям, мусульманское духовенство считало возможным сохранение за собой многих административных функций, признаваемых за ними в царской России. Вероятно, они даже надеялись на узаконение Советской властью норм шариата в решении брачно-наследственных дел. В этом им виделось укрепление религиозной автономии мусульман России.

Публикации по религиозным вопросам можно сгруппировать по следующим проблемам и направлениям:

- официальные распоряжения, указы, разъяснения, обращения религиозных структур, прежде всего «Духовного управления» («*Диния нәзәрате*»), а также различные объявления «Союза мусульманского духовенства»;
- статьи и заметки с изложением правительственных распоряжений в отношении религиозных учреждений и религиозных вопросов;
- статьи, оценивающие или характеризующие религиозную политику большевиков;
- статьи, посвященные различным аспектам внутренней жизни религиозных учреждений и объединений (например, информация о предстоящих собраниях казанских *улемов* и их решениях), задачам и проблемам в данной сфере.

Религиозная политика большевиков воспринималась казанским духовенством крайне негативно. Резкой критике подвергались практически все действия Советов, начиная от декрета «Об отделении церкви от государства ...» и заканчивая конкретными действиями местных большевиков. Особое неприятие вызывали попытки исключить преподавание религиозных предметов из всех «народных» школ, в том числе и мусульманских. Авторы соответствующих статей не просто критиковали подобные действия большевиков. Их абсолютное неприятие базировалось на следующих принципиальных положениях. Существующие в России мусульманские школы практически все являлись религиозными не только по своему характеру, но и изначальному предназначению. Мусульманские школы возникали именно как учебные центры, предназначенные для обучения мусульманских детей исламу. Поскольку по шариату каждый ребенок, достигший семилетнего возраста, должен обучаться основам ислама,

то религиозные предметы являются главнейшими и первейшими во всех мусульманских школах. Изъятие из мусульманских школ религиозных предметов есть, таким образом, искажение самой сути и изначального предназначения этих учебных заведений — воспитания истинных мусульман[43]. Поэтому запрещение преподавать религиозные предметы в мусульманских школах равносильно полному закрытию медресе и мектебов (статья «*Мәктәпләрдән дин дәресләрен чыгару*»)[44]. Во-вторых, все мусульманские школы являлись национальными школами, содержащимися сугубо на народные деньги, а открытие медресе наряду со строительством мечети почитается мусульманами первейшим религиозным долгом. К тому же провозглашенная культурно-национальная автономия не дает права властям (большевикам) вмешиваться в сугубо религиозные дела мусульман, каковым всегда было и остается религиозное образование населения.

По мнению одного из редакторов газеты, С. Иманкулова, ослабление внимания к религиозным предметам и религиозному воспитанию неправильно и вызывает недовольство народа («Мәктәпләремездә дини тәрбия»)[45]. Здесь очевидно прослеживается критическое отношение автора к наметившейся в предреволюционные годы тенденции в сторону увеличения светского элемента в традиционной системе мусульманского образования. В другой статье, как бы в продолжение данного тезиса, подчеркивалось, что все учебные дела должны быть сосредоточены в руках имамов (а не светских учителей-мугаллимов), которые должны не просто возглавлять медресе, но и в обязательном порядке сами преподавать важнейшие курсы. Мугаллимы же должны находиться лишь на положении помощников имамов, но не более того[46].

Следует подробнее остановиться на публикации в газете документа, исходившего от Духовного управления и весьма красноречиво отражающего позицию мусульманского духовенства по вопросу о мусульманском образовании. Речь идет об обращении Духовного управления к руководству медресе с просьбой заполнить предлагаемую анкету (№ 6 от 20 марта 1918 г.). Анкета со-

43. Исходя из этих, в общем-то, верных положений, весьма абсурдным выглядит распоряжение комиссара просвещения, пришедшее в начале марта 1918 г. в медресе «Куль буе» и запрещавшее преподавание в данном медресе каких-либо религиозных предметов. См: Иттифак. 1918. 14 марта. № 5.

44. Иттифак. 1918. 20 марта. № 6.

45. Иттифак. 1918. 3 мая. № 10.

46. Иттифак. 1918. 27 марта. № 7.

стояла из 27 пунктов и должна была помочь ЦДУМ собрать максимально полную информацию о состоянии подведомственных ему мусульманских учебных заведений. Анкета содержала самые разнообразные вопросы: месторасположение, время основания опрашиваемого медресе; количество классов, общее число шакирдов и соотношение по отдельным классам, процент окончивших; материальное и финансовое состояние медресе; преподавательский состав и программа обучения; наличие при медресе библиотеки и какие книги в них есть.

Характер вопросов самой анкеты свидетельствует, что содержательная часть образования (программа, предметы, характер и состав учебной литературы) не была приоритетной среди собираемой информации. Возможно, это объясняется тем, что после Февральской революции вся система традиционного мусульманского образования находилась в состоянии организационной перестройки в связи с решениями многочисленных мусульманских съездов и «*Миллəт мəҗлесе*», поставившего объявленную культурно-национальную автономию на практические рельсы. В связи с этими организационными проблемами все внимание было поглощено формальными вопросами функционирования учебных заведений, а не содержательной стороне.

Следовательно, та часть казанских мулл, чьи взгляды были представлены газетой «Иттифак», не просто критически отнеслась к религиозной политике большевиков, но оценивала ее как прямое и неприкрытое уничтожение религии. Слабость цензуры позволяла членам редколлегии пока еще высказывать свою позицию открыто и в достаточно резкой форме. В этом плане выходившая в первой половине 1918 г. газета «Иттифак» имеет исключительный характер. Ни до, в царское время, ни после, с прочным утверждением большевистской власти на всей территории страны, общественность не имела возможности столь открыто выражать свою позицию в отношении религиозной политики властей в средствах массовой информации. Переходный характер революционной эпохи сформировал столь своеобразный облик данного религиозного издания.

Заключение

В первой половине 1918 г. на территории, контролируемой большевиками, были поэтапно запрещены и ликвидированы все национальные структуры (*Милли Идарə*, т.е. Национальное управ-

ление, центральное и региональные *Милли шуро*, *Хәрби шуро* и пр.), закрыты практически все национальные периодические издания, в том числе газета «Иттифак». Вскоре началось закрытие или перепрофилирование медресе и других религиозных учебных заведений, что означало постепенный слом системы конфессионального образования. Внутри мусульманского духовенства происходит раскол: небольшая часть присоединяется к антибольшевистским силам, однако большая часть предпочитает дистанцироваться от какой-либо политической борьбы, вернувшись к статусу сословия, чрезвычайно зависимого от местных властей.

Религиозные структуры во главе с Духовным управлением мусульман внутренней России и Сибири находились в чрезвычайно сложном положении. Хотя формально они были отделены от государства, в реальности их судьба зависела от новой власти в не меньшей степени, чем в царской России. Из существовавших религиозных структур и объединений, впрочем, сохранились лишь те, что функционировали еще с дореволюционного времени. В то же время объединения, возникшие на революционной волне как проявление корпоративной солидарности и религиозной автономии (например, «Всероссийский Союза мусульманского духовенства»), были вынуждены прекратить свое существование.

Библиография / References

Архивные материалы

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 1278 — Государственная дума I, II, III и IV созывов.

Национальный музей РТ.

Казан имам вә мөдәрисләрендән бөтен Русия мөселманларына Хитапнамә [Обращение имамов и мударрисов г. Казани ко всем мусульманам России]. 1917. Казань.

Периодическая печать

Иттифак (Союз). Казань, 1918.

Кояш (Солнце). Казань, 1917–1918.

Тормыш (Жизнь). Уфа. 1917–1918.

Литература

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

Ахунов А. Мухаммад-Садык Иманкулый // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2001. № ¾. С. 149–153.

Бөтен Русия мөселманларның 1917-нче елда 1-11 майда Мәскәүдә булган гомуми съездның протоколлары. Пг., 1917.

Гайнанов Р.Р., Марданов Р.Ф., Шакуров Ф.Н. Татарская периодическая печать начала XX века. Библиографический указатель. Казань, 2000.

Гаяз Исхакый: тарихи-документаль жыентык. Казань, 2011.

«Забулачная республика» // Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ, 1999. С. 194.

Заһидуллин А. «Әд-дин вә әл-Әдәб» журналның библиографик күрсәткече. Казан, 2003.

История татар с древнейших времен в семи томах. Том VII. Татары и Татарстан в XX — начале XXI в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013.

Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 г.). М.: Социально-политическая мысль, 2004.

Исхакый Гаяз, Беренче Милләт Мәҗлесе җыелуга 15 ел тулу уңае белән// Яңа милли юл. 1933. № 1, 3–4.

Исхакый Гаяз, Беренче Милләт Мәҗлесенең 20 еллыгы // Яңа милли юл. 1938, № 1.

Казан имам вә мөдәрисләрендән бөтен Русия мөселманларына Хитапнамә // Национальный музей РТ.

Кануни игъланы. Эчке Русия вә Сөбер мөселман төрек-татарларның Милли мөхтариятенең әсаслары. Уфа, 1918.

Милли мөхтарият. Эчке Русия мөселманлары өчен милли вә мәдәни мөхтарият әсаслары (22 июнь, 1917 ел). Казан, 1917.

Мөхәммәтшин Р.Г. «Дин вә мәгыйшат» журналның библиографиясе (1906–1918). Казань: Иман, 2002.

Мухаметшин Р.Г. Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. Казань, 2005.

Усманова Д.М. «Иттифак аль-муслимин» // Российский либерализм середины XVIII — начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 376–378.

Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань: Татарское книжное издательство, 2006.

Усманова Д.М. Милләт Мәҗлесе тарихы (чыганакларда) // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1996. № 1. С. 61–72.

Усманова Д.М. Мусульманские представители в Российском парламенте. Казань, 2005.

Усманова Д.М. Февраль 1917-го в телеграммах от мусульманского населения России // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 8–9 декабря 2016 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Издательство «ЭлекСис», 2017. Ч. 2. С. 133–143.

Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского сообщества в Волго-Уральском регионе. М.: Издательский дом Марджани, 2017.

Юнусова А.Б. Автономия башкирского ислама: к 100-летию Духовного управления мусульман Башкортостана // Известия Уфимского научного центра РАН. 2017. № 4. С. 105–116.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999.

Archival materials

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historic Archive].

F. 1278 — Gosudarstvennaia duma I, II, III i IV sozyvov [State Duma of I, II, III and IV Convocations].

National Museum of Republic of Tatarstan.

Qazan imam vä mödärrislärendän böten Rusiia möselmanlaryna Hitapnamä [Appeal of Kazan's Imams and Mudarris to all Muslims of Russia]. 1917. Kazan.

Press

Ittifaq (Soiuz) [*Union*]. (1918). Kazan′.

Qojash (Solntse) [*Sun*]. (1917–1918). Kazan′.

Tormysh (Zhizn') [*Life*]. (1917–1918). Ufa.

Literature

Akhunov, A. (2001) "Mukhammad-Sadyq Imanquly" ["Mukhammad-Sadyq Imanqulov"], in *Gasyrlar avazy — Ekho vekov* ¾: 149–153.

Azamatov, D.D. (1999) *Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie v kontse XVIII–XIX vv.* [Orenburg Magometan (Muslim) Spiritual Assembly in the late 18th–19th centuries]. Ufa.

Battal-Taymas, A. (1947) *Rus ihtilalindan hatiralar. 1917–1919* [Memories of the Russian Revolution. 1917–1919]. Istanbul.

Böten Rusiia möselmanlarnyn 1917-nche elda 1–11 mayda Mäskäüdä bulgan gomumi sjezdnyn protokollary [Protocols of the All-Russian Muslim Congress] (1917). Pg.

Devlet, N., (1998) *1917 ekim ihtilalı ve türk-tatar Millet Meclisi. Ic Rusya ve Sibirya müselman türk-tatalirinin Millet Meclisi 1917–1919* [October 1917 and the Turkish-Tatar National Assembly. The National Assembly of the Muslims of Russia and Siberia, 1917-1919]. Istanbul.

Gaiaz Iskhaqyi: tarikhi-dokumental' zhyentyk [Gayaz Iskhaki: historical and documentary collection] (2011). Kazan′.

Gainanov, R.R., Mardanov, R.F., Shakurov, F.N. (2000) *Tatarskaia periodicheskaia pechat' nachala XX veka. Bibliograficheskii ukazatel'.* [Tatar periodicals of the early twentieth century. Bibliographic Index]. Kazan.

Iskhakov, S.M. (2004) *Rossiiskie musul'mane i revoliutsiia (vesna 1917 — leto 1918 gg.)* [Russian Muslims and the Revolution (spring 1917 — summer 1918)]. M.: Sotsial′nopoliticheskaia mysl′.

Iskhakov, S.M. (2007) *Pervaia russkaia revoliutsiia i musul'mane Rossiiskoi imperii* [The First Russian Revolution and the Muslims of the Russian Empire]. M.

Iskhaqi, G., (1933) "Berenche Millät Mėzhlese zhyeluga 15 el tulu unae berlä" [The 15th anniversary of the National Assembly], *Yana milli yul* 1, 3–4.

Iskhaqi, G., (1938) "Berenche Millät Mäjlesenen 20 ellygy" [The 20th anniversary of the National Assembly], *Yana milli yul* 1.

Istoriia tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom VII: Tatary i Tatarstan v XX — nachale XXI v. [History of the Tatars since ancient times. In seven Volumes. Volume 7. Tatars and Tatarstan in the 20th — beginning of the 21st centuries] (2013), Kazan.

Kanun iglany. Echke Rusiia vä Söber möselman törek-tatarlarnyn Milli mökhtariiatenen ėsaslary [Foundations of the cultural-national autonomy of the Turkic-Tatars of Russia and Siberia] (1918). Ufa.

Khabutdinov, A.Yu. (2017) *Instituty rossiiskogo musul'manskogo soobshchestva v Volgo-Ural'skom regione* [Institutions of the Russian Muslim community in the Volga-Ural region]. M.: Izdatel′skii dom Mardzhani.

Milli mökhtariiat. Ėchke Rusiia möselmanlary öchen milli vä mädäni mökhtariiat ėsaslary (22 iiun', 1917 el) [Foundations of the cultural-national autonomy of the Turkic-Tatars of Russia and Siberia] (1917). Kazan.

Mökhämmätshin, R.G. (2002) *«Din vä mägyishat» zhurnalnyn bibliografiiase (1906–1918)* [Bibliography of the journal "Religion and Life"]. Kazan′: Iman.

Muhammed Ayaz Ishaki hayati ve faaliyeti: 100. Dogum yeli doleyisiyla [Life and work of Gayaz Iskhaki: on the 100th anniversary of his birth] (1979). Ankara.

Mukhammetshin, R.G. (2005) *Tatarskii traditsionalizm: osobennosti i formy proiavleniia* [Tatar traditionalism: features and forms of manifestation]. Kazan: Fän.

Tatarskii Enciklopedicheskij slovar' [Tatar encyclopedic dictionary] (1999). Kazan.

Usmanova, D. (1996) "Millät Mäjlese tarikhy (chyganaklarda)" [The history of the National Assembly in historical sources], *Gasyrlar avazy — Ekho vekov* 1: 61–72.

Usmanova, D. (2006) *Deputaty ot Kazanskoi gubernii v Gosudarstvennoi dume Rossii: 1906–1917* [Deputies from the Kazan province in the State Duma of Russia: 1906–1917]. Kazan′: Tatarskoe knizhnoe izdatel′stvo.

Usmanova, D. (2009) "Baiazitov Mukhammed-Safa Ataullovich" [Baiazitov Mukhammed-Safa Ataullovich], in *Islam v Sankt-Peterburge: entsiklopedicheskii slovar*, pp. 35–36. M.: «Medina».

Usmanova, D. (2010) "Tatar Periodicals (1905-1918)", in *Tatar History and Civilization*, pp. 637–644. Istanbul: IRCICA.

Usmanova, D. (2013) "Die islamische Presse der Wolga-Ural-Region im 20. Jahrhundert: Probleme der islamischen Bildung", in R. Motika, M. Kemper, A. von Kügelgen (eds) *Repression, Anpassung, Neuorientierung. Studien zum Islam in der Sowjetunion und dem postsowjetischen Raum*, S. 215–251. Wiesbaden: Reichert Verlag.

Usmanova, D.M. (2005) *Musul'manskie predstaviteli v Rossiiskom parlamente* [Muslim representatives in the Russian Parliament]. Kazan: Fän.

Usmanova, D.M. (2010) "Ittifaq al-muslimin" [Ittifaq al-muslimin], in *Rossiiskii liberalism serediny XVIII — nachala XX veka: entsiklopediia*, pp. 376–378. M.: ROSSPEN.

Usmanova, D.M. (2017) "Fevral′ 1917-go v telegrammakh ot musul′manskogo naseleniia Rossii" [February 1917 in telegrams from the Muslim population of Russia], in A.B. Nikolaev (ed.) Tavricheskie chteniia 2016. Aktual′nye problemy parlamentarizma: istoriia I sovremennost′. Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, S.-Peterburg, Tavricheskii dvorets, 8–9 dekabria 2016 g. Sbornik nauchnykh statei, pp. 133–143. Ch. 2. SPb.: Izdatel′stvo «Eleksis».

Yunusova, A.B. (1999) *Islam v Bashkortostane* [Islam in Bashkortostan]. Ufa: Ufimskii poligrafkombinat.

Yunusova, A.B. (2017) "Avtonomiia bashkirskogo islama: k 100-letiiu Dukhovnogo upravleniia musul′man Bashkortostana" [Autonomy of Bashkir Islam: to the 100th anniversary of the Spiritual Board of Muslims of Bashkortostan], *Izvestiia Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* 4: 105–116.

Zagidullin, A. (2003) *"Äd-din vä äl-Ädäb" zhurnalnyn bibliografik kürsätkeche*. [Bibliography of the journal "Religion and Morality"]. Kazan.